

ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВІЕ, его предметъ и задача.

(Продолженіе).

Принимая во вниманіе антирелигіозное направленіе современной мысли, трудно говорить о религіозной истинѣ, начиная прямо съ Евангелія. Неглубкая и маловѣстительная мысль сочтетъ безуміемъ рѣчь о воплотившемся Богѣ. Нужно предварительно подготовить мысль къ религіозному пониманію, нужно расширить кругозоръ атенстически настроеннаго человѣка, нужно выяснитъ ему, что не все во вселенной происходитъ по тѣмъ законамъ, которые онъ знаетъ, и что все во вселенной имѣетъ основу въ томъ, что непохоже на извѣстное ему. Вотъ почему существенное въ основномъ богословіи—рѣчь о Христѣ—приходится соединять со многими, что порою представляется стоящимъ очень далеко отъ Евангелія. Опубликованіе въ 1894 г. о находкѣ какихъ-либо костей на островѣ Явѣ и благовѣстія въ Палестинѣ, имѣвшее мѣсто около 19 вѣковъ назадъ, что общаго между тѣмъ и другимъ? и однако общее можетъ найдтись. Сдѣлавшіе находку и повѣрившіе имъ утверждаютъ, что найдены предокъ человѣка; доказано, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ типовъ; отсюда, слѣдуетъ, что повѣствованіе объ Адамѣ—миѣ, не было ни творенія человѣка, ни его надеянія. А если такъ, то не требовалось и искушеніе, слѣдовательно, его и не было. Правильно или неправильно оцѣнена находка, правильно ли сдѣланы выводы изъ нея—другое дѣло, но мы видимъ, что связь между двумя рядами повидимому очень далеко отстоящихъ между собою фактовъ.

установлена и что апологетъ долженъ высказать свое мнѣніе объ ихъ взаимоотношеніи.

Прежде чѣмъ говорить, что такое-то дерево самое крѣпкое, самое высокое и долгожизненное, нужно учить о деревьяхъ и—еще шире—о растеніяхъ вообще. Прежде чѣмъ учить, что религія въ ея православно-христіанской формѣ есть истина, нужно говорить о религіи вообще, о существенныхъ элементахъ религіи, объ отношеніи религіозныхъ принциповъ къ догматамъ науки. И только потомъ уже о христіанствѣ, о православіи, объ отношеніи православнаго ученія къ даннымъ науки, къ эстетическимъ и этическимъ идеаламъ человѣчества. Разсужденіе обо всемъ этомъ можетъ быть излагаемо по весьма разумнымъ планамъ и методамъ, и въ самое разсужденіе различные богословы могутъ вводить совершенно различные элементы. Такъ нѣкоторые богословы на Руси полагаютъ, что изящная литература и именно русская можетъ быть использована въ видѣ весьма цѣннаго апологетическаго орудія. Разумѣется прежде всего Ф. М. Достоевскій, далѣе Н. В. Гоголь, а потомъ разныя величины низшихъ порядковъ. Я охотно готовъ вѣрить, что разсуждающія такъ апологеты сумѣли использовать поэтовъ въ апологетическихъ цѣляхъ, но я также думаю, что большинству это умѣнье использованія не привьется, и что многихъ попытка союза поэзіи съ религіею можетъ направить въ опасную сторону признанія фантастическими религіозныхъ образовъ, т. е. тѣмъ же, чѣмъ являются образы поэтическіе. Старецъ Зосима въ „братяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго — образъ вымышленный, во всякомъ случаѣ крайне идеализированный, не подскажетъ ли это многимъ, что и тѣ, святость которыхъ почитаетъ церковь, представляютъ собою только крайнюю идеализацію обыденной реальности? За всѣмъ тѣмъ я далекъ отъ мысли отрицать возможность апологетическаго использованія литературы, апологетъ можетъ пользоваться, какъ орудіемъ, всякимъ фактомъ и всякимъ явленіемъ. Божество открываетъ Себя не только въ солнцѣ и звѣздахъ, но и въ малой каплѣ воды. Отъ душевнаго склада апологета зависить, что онъ выберетъ исходнымъ началомъ своихъ разсужденій и какъ будетъ ихъ развивать. Но разумѣется опытъ прошлаго долженъ служить руководствомъ для настоящаго. И доводы и спо-

способ ихъ изложенія и систематизаціи передаются отъ отцовъ къ дѣтямъ, отсюда возможность программъ, схемъ и шаблоновъ по основному богословію, отвѣчающихъ потребности въ готовыхъ апологетическихъ руководствахъ.

И лично предполагаю считать вамъ курсъ Основнаго Богословія по слѣдующей схемѣ. Прежде всего я буду говорить о религіи въ ея существенныхъ элементахъ. Конечно, такое разсужденіе должно опираться на знаніе религіозныхъ формъ прошедшаго и настоящаго, но на знаніе преподавателя, а не на знаніе слушателей. Прежде, чѣмъ вы приступите къ изученію религіи, какъ факта, вамъ должны быть даны нѣкоторыя руководственныя правила относительно того, какъ легче вести дѣло этого изученія, какъ ориентироваться въ подлежащемъ изученію матеріалѣ. Вѣдь, если вы странствуете въ незнакомой вамъ мѣстности, вы берете проводника, проводникъ нуженъ и въ дѣлѣ изученія незнакомаго предмета.

Религія съ теоретической стороны есть вѣра въ существованіе вышечеловѣческаго міра и въ существованіе связи между этимъ міромъ и человѣчествомъ. Законы бытія въ мірѣ человѣческомъ, по религіозному представленію, опредѣлены вышечеловѣческими существами. Эти вышечеловѣческія существа религіозная мысль возводитъ обычно къ единому верховному началу—къ Богу. Законы бытія двоякаго рода—физическіе законы необходимости и нравственные законы свободы. Необходимость есть условіе для проявленія свободы. На почвѣ необходимости дѣйствуютъ Божественная и человѣческая свобода. Последняя можетъ и согласоваться съ Божественной и идти противъ нея. Допуская человѣческую свободу, Божество содѣйствуетъ ея благимъ начинаніямъ и противодѣйствуетъ злымъ. Это Божественное дѣйствіе есть Промыслъ. Совмѣстная дѣятельность доброй воли съ Божественнымъ Промысломъ должно привести лицо обладающее этой волей къ блаженному удѣлу—къ безсмертію приобщенію къ Божественной жизни, тѣснѣйшему единенію съ Божествомъ. Начало соединенія этого полагается на землѣ въ культѣ—въ молитвѣ, жертвахъ, священныхъ дѣйствіяхъ, мистическихъ актахъ.

Религія опредѣляетъ всю жизнь и поведеніе человека, потому что она истолковываетъ все бытіе. Миѣ думается,

что до сихъ поръ исследователи обращали очень мало вниманія на то, какъ истолковывается съ религіозной точки зрѣнія міръ и какой взглядъ на душу устанавливаетъ религія. Всѣ физическіе процессы съ религіозной точки зрѣнія имѣютъ психическую основу. Имѣетъ ли что возразить противъ этого наука? Я думаю, что она можетъ только подтвердить это. Всякій физическій процессъ есть продолженіе чего-то, только одушевленныя существа имѣютъ инициативу и полагаютъ начало процессамъ. Религія охотно допустить, что всякій физическій актъ есть отраженіе психическаго. И не только при такомъ взглядѣ, что за матеріею скрывается управляющій ею духъ, возможно признаніе за міровыми процессами характера разумности и моральности. Признаніе началомъ всего матеріи и физической силы отнимаетъ разумность у міровыхъ процессовъ. Эта философія, отрицающая телеологию, пессимистична по содержанию и утверждается на единственномъ основаніи: я не знаю, для чего существуетъ или произошло то-то, слѣдовательно это существующее и происшедшее не имѣетъ цѣли существованія. Религія не допускаетъ такихъ разсужденій и такой точки зрѣнія. Другое весьма важное въ религіозныхъ ученіяхъ, это—религіозное представленіе души. Религія, поскольку я ихъ знаю, приписываютъ душѣ свойство, которое я называю *проницаемостью души*. Религіозный взглядъ на душу отличается и отъ средневѣковаго представленія о душѣ, какъ о какой-то абсолютно обособленной единицѣ, и отъ новѣйшихъ воззрѣній на душу, какъ на функцію изъ какихъ-то зыбучихъ психическихъ элементовъ. Новыя ученія разрѣшаютъ душу въ функцію, въ ничто; старыя ученія, представляя душу какъ вѣчную единицу со дня ея созданія, никакъ не могли объяснить, какъ эта душа можетъ дѣйствовать на міръ и міръ на нее. Монадологія и предустановленная гармонія Лейбница и затѣмъ скептическое ученіе Канта о познаніи только выясняютъ намъ невозможность понять взаимодѣйствіе при теоріи непроницаемости. Но религіи смотрятъ на душу иначе. Онѣ принимаютъ взаимное проникновеніе душъ и интимнѣйшее соединеніе души съ Божествомъ. Религіи указываютъ искусственныя средства для принятія Бога въ себя въ этой жизни и говорятъ, что послѣ смерти душа соединяется интимно съ подземнымъ богомъ. Грекъ, участвовавшій въ

жертвѣ Діониса (теофагія), принималъ въ себя бога: умершій египтянинъ назывался Озирисомъ такимъ то (имя египтянина при жизни). Такое пониманіе души даетъ возможность уразумѣть единеніе въ любви съ Богомъ и ближними („да все едино будутъ“), о которомъ молилъ Христосъ.

Я считаю нужнымъ говорить о постулатахъ, принципахъ и существенныхъ элементахъ въ религіяхъ раньше, чѣмъ изображать религію въ ея историческихъ формахъ. Религія въ ея историческихъ судьбахъ занимаетъ у меня вторую часть моего курса. Первая часть должна помочь ориентироваться во второй, а вторая должна послужить основаніемъ для провѣрки тезисовъ первой.

Заявленіе „религія въ ея историческихъ формахъ“ предполагаетъ собою изслѣдованіе религіи во всѣхъ ея проявленіяхъ—въ частности, слѣдовательно и въ православно-христіанскомъ видѣ. Но если въ русскихъ школахъ русская исторія закононо выдѣляется изъ всеобщей и въ школахъ англійскихъ также закононо выдѣляется англійская исторія, то въ сферѣ религіи уже не по практическимъ и національно-патріотическимъ, а по побужденіямъ принципиальнымъ и высшимъ каждый выдѣляетъ свою вѣру и противопоставляетъ ее остальнымъ. Религія есть взаимоотношеніе Божества и человѣчества. Каждый считающій извѣстную религію истинной, полагаетъ, что въ ней такое взаимоотношеніе существуетъ дѣйствительно и что въ другихъ религіяхъ такого взаимоотношенія на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ истинной, иначе, въ сверхъестественной религіи имѣются двѣ стороны—Божеская и человѣческая, въ религіяхъ естественныхъ есть лишь одна сторона—человѣческая. На мѣсто Божества и Его отношеній къ міру, становятся тамъ человѣческія измышленія о Богѣ и Его отношеніяхъ. Вотъ почему православный богословъ не можетъ одинаково и совместно разсматривать все религіи, свою религію онъ выдѣляетъ и осуждаетъ его за это можно гораздо меньше, чѣмъ осуждать русскаго за то, что онъ выдѣляетъ русскую исторію. Поэтому и я въ части своего курса о „религіи въ ея историческихъ формахъ“ буду говорить лишь о естественныхъ религіяхъ. Но здѣсь необходимы нѣкоторыя разъясненія. У нѣкоторыхъ католическихъ богослововъ прошлаго и у нѣкоторыхъ православныхъ богослововъ настоящаго вре-

мѣни я встрѣтилъ выраженіе „истинныя религіи“. Я понимаю это выраженіе у греческихъ неоплатониковъ, у мусульманскихъ суферитовъ, у М. Мюллера, у тѣхъ своеобразныхъ теологовъ, для которыхъ вѣроученіе есть не имѣющая значенія форма религіи, но у православныхъ и католическихъ богослововъ я этого выраженія не понимаю. Истина одна. Если вѣра пифагорова теорема, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ, то всякая иная формула этого взаимоотношенія, изъ которой вытекаетъ иная связь сторонъ прямоугольнаго треугольника, будетъ невѣрною. Если Богъ явившійся Аврааму былъ истиннымъ Богомъ, то Зевсъ, явившійся Семелѣ, представляетъ собою ложь. Но можетъ быть хотя бы сказать—хотя слѣдовало бы, если дѣйствительно этого хотѣть, сказать прямо, что съ одной стороны и человекъ, неповѣдующій истинную религію, не пребываетъ въ религіозной истинѣ ни теоретически, ни практически. Всѣ мы нравственно несовершенны и умственно ограничены: не исполняемъ воли Божіей и не понимаемъ Божественнаго откровенія. Съ другой стороны и во всѣхъ религіяхъ въ различной мѣрѣ имѣются элементы истины и возвышенныя нравственныя требованія. Самый генезисъ религіи съ православной точки зрѣнія предполагаетъ существованіе сверхъестественнаго, т. е. откровеннаго элемента въ естественныхъ религіяхъ. Сначала, согласно Библии, у всего человѣчества была истинная религія и если потомъ признать этнографически всемірнымъ, то получимъ, что и непосредственно послѣ потопа все человѣчество пребывало въ религіозной истинѣ. Отступленіе отъ нея, замѣна Божественнаго откровенія человѣческими измышленіями могла совершиться только постепенно. Во имя этого многіе изслѣдователи прошлаго и настоящаго ищутъ и утверждаютъ, что находятъ въ различныхъ религіяхъ слѣды первобытнаго монотеизма. Я не рѣшаюсь настаивать на томъ, что они ошибаются, но я утверждаю, что ихъ точка зрѣнія трудно доказуема. Поскольку наука знаетъ прошлое, теорія первобытнаго монотеизма находитъ для себя не больше опоръ, чѣмъ теорія первобытнаго пандемонизма. Мое собственное изученіе предмета привело меня къ выводу, что въ древнѣйшихъ и некультурнѣйшихъ религіяхъ имѣются элементы и монотеизма и пантеизма и политеизма и пандемонизма. Нахо-

димъ, мы вездѣ ясно, или неясно выраженныя положенія, что все полно духовъ—добрыхъ и злыхъ (пандемонизмъ), что существуетъ много боговъ (политеизмъ), что есть одно верховное Начало (монизмъ), что Божество связано съ міромъ цѣлью необходимости (пантеизмъ) и что отношенія Божества къ міру опредѣляются Божественною свободою (теизмъ), что умершіе люди могутъ оказываться въ рангѣ духовъ и боговъ (культъ предковъ). Я думаю, что всю эту путаницу религіозныхъ понятій можно распутать лишь при вѣрѣ, что на землѣ всегда существовала и существуетъ истинная религія и что душа человѣка по своей природѣ тяготѣетъ къ ней. Но между религіозной истиной и человѣкомъ становится грѣхъ. Не понимая Божественной истины, человѣкъ замѣняетъ ее своими измышленіями, и такъ на мѣсто Божественнаго откровенія становится человѣческая ложь. Съ точки зрѣнія Декарта всякое неправильное умозаключеніе является въ сущности грѣхомъ и я эту точку зрѣнія признаю правильною. Въ силлогистическихъ и вообще дедуктивныхъ заключеніяхъ выводъ дѣлается механически, онъ слѣдуетъ изъ основаній съ необходимостью, но въ умозаключеніяхъ индуктивныхъ (отъ единичныхъ фактовъ къ общему закону), выводъ не слѣдуетъ съ необходимостью. Здѣсь въ выводъ кромѣ разума участвуетъ воля, она даетъ свою санкцію разуму, она можетъ поторопить разумъ. Развѣ каждый изъ насъ не видалъ людей, спѣшащихъ съ своими выводами? Эта поспѣшность въ умозаключеніяхъ развѣ не была безчисленное число разъ причиною того, что невинныхъ людей заключали въ тюрьмы, какъ убійцъ и воровъ? Эта поспѣшность выводовъ создавала ошибочныя ученія въ медицинѣ, агрономіи, педагогикѣ, политикѣ, она порождала безчисленныя суевѣрія. Вездѣ она порождала массу зла и источникомъ ея является зло—самомиѣніе, самоувѣренность и моральная слабость. Такъ и въ сферѣ религіи. Такъ возникли и развились естественныя религіи. Посредствующихъ звеньевъ между ними и христіанствомъ мы не имѣемъ, поэтому я и отвергаю выраженіе „истинныя религіи“. Индуизмъ, шинтоизмъ, конфуціанство находятъ для себя всецѣло объясненіе въ свойствахъ человѣческой природы и очень трудно доказывать ихъ связь съ откровеніями, о которыхъ повѣствуютъ первыя главы первой священнои книги. И если

даже допустить, что нѣчто изъ Божественнаго откровенія сохранилось у нихъ, то вѣдь оно сохранилось только, потому что отвѣчало ихъ духовной природѣ. Мы имѣемъ въ христіанствѣ двѣ религіи, которыя дѣйствительно утилизировали Божественное откровеніе, это—юдаизмъ и исламъ. Но юдаизмъ, отвергшій Христа, тѣмъ самымъ по ап. Павлу по крайней мѣрѣ до времени отпалъ и отъ религіозной истины, а исламъ слишкомъ искусственно и оппортунистически соединившій древнюю вѣру арабовъ, вѣру евреевъ и христіанъ (съ признаціемъ Христа пророкомъ, но не Богомъ, а простымъ человѣкомъ) представляетъ собою отрицаніе сущности христіанства, ибо отрицаетъ воплощеніе и искупленіе, и потому, хотя его ученіе о Богѣ единомъ, всемогущемъ, милостивымъ и милосердымъ, заключаетъ въ себѣ очень много истины, не можетъ быть названъ истинною религіею. За всѣмъ тѣмъ юдаизмъ и исламъ безспорно занимаютъ особое мѣсто между религіями. Онѣ представляютъ собою компромиссъ между требованіями воли Божественной и влеченіями воли человѣческой. Онѣ стоятъ, какъ промежуточное и въ концѣ концовъ неудачное звено между христіанствомъ и чисто-естественными религіями.

Наука о религіи въ ея историческихъ формахъ, называемая исторіею религіи, имѣетъ недавнее происхожденіе. Существующія кафедры по исторіи религіи на земномъ шарѣ можно перечислить по пальцамъ. Недавнее происхожденіе, конечно, предполагаетъ слабую разработанность науки, а когда наука мало развита, она представляетъ возможность дѣлать изъ ея матеріала самые разнообразныя выводы и и строить на основаніи его самыя противорѣчивыя гипотезы. Видите ли, когда фактовъ собрано много, то очень трудно дать такое объясненіе, которое бы стояло въ согласіи со всѣми фактами. Легко сказать, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, основываясь на сходствѣ этихъ млекопитающихъ. Но когда спросятъ: какимъ путемъ произошелъ, отъ какихъ обезьянъ или обезьяноподобныхъ животныхъ? Вопросъ такъ усложняется, что пожалуй мало мальски умный натуралистъ откажется отъ его рѣшенія: палеонтологія и дѣйствительность даютъ какъ будто что-то въ родѣ промежуточныхъ звеньевъ, а съ другой стороны всѣ эти звенья сворачиваютъ куда-то въ сторону: не могъ человѣкъ по теоріи

Дарвина произойти отъ гориллы или чимпанзе, не могъ онъ произойти и отъ яванскаго питекантропа. Точно также въ доброе старое время, когда о дикаряхъ знали очень мало, можно очень свободно говорить объ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ или даже объ ихъ безрелигіозности, объ ихъ имморальности. Теперь, когда дикари изучены нѣсколько лучше, оказалось, что то, что намъ говорили о нихъ Герб. Спенсеръ, Чарл. Дарвинъ, Эрнестъ Геккель совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Но такъ какъ пока въ этнографіи и палеонтологической антропологіи существуютъ еще большіе пробѣлы, то съ затрудненіями, которыя представляютъ факты, справляются очень легко. У автора индейскихъ и африканскихъ дикарей нашли очень сложныя социальныя учрежденія, развитый культъ, религіозныя школы, мистеріи. Эти факты совершенно не подходятъ къ понятію дикаря, какъ промежуточнаго звена между *homo sapiens* и обезьянами-приматами. Что же вы думаете, какъ отнеслись къ этимъ фактамъ многіе ученые, усумнились ли они въ эволюціонной теоріи? Нисколько. Они заявили, что, значить, африканцы и австралійцы—не дикари, а уже отдаленные потомки дикарей. Какъ вы будете съ ними спорить? Какъ будете доказывать, что фантастическіе предки современныхъ дикарей имѣютъ такую же реальность, какъ генеалогіи героевъ Гомера? Оспаривать то, что въ прошедшемъ у насъ съ вами были животноподобныя предки, пожалуй труднѣе, чѣмъ доказывать существованіе ангеловъ. А между тѣмъ съ вопросомъ о томъ, каковы были наши предки, связанъ вопросъ о началѣ религіи и ея начальныхъ формахъ. И такъ какъ вопросъ о началѣ человѣчества каждый рѣшаетъ по своему, то по своему каждый рѣшаетъ и вопросъ о началѣ и существѣ религіи, а этимъ рѣшеніемъ опредѣляется и все то, что онъ извѣчаетъ изъ исторіи религіи. Эту исторію, какъ можетъ быть и вообще исторію, каждый утилизируетъ для подтвержденія своихъ взглядовъ. Рѣдко кто берется за изученіе религіи съ цѣлью научить чему-нибудь самого себя, въ большинствѣ случаевъ къ этому изученію обращаются лишь за тѣмъ, чтобы найти въ немъ новые доводы въ пользу ранѣ установленныхъ взглядовъ. При охотѣ и усердіи такіе доводы, конечно, найдутся. Можетъ вамъ показаться страннымъ, если я скажу, что самый способъ обра-

пленія къ изученію чего-либо съ цѣлью подтвердить свои предвзятые взгляды я нахожу разумнымъ и законнымъ, по это—такъ. Видите-ли; во 1) безъ предвзятаго взгляда невозможно никакое изслѣдованіе; какъ никакъ, но если у васъ такового не будетъ, то не будетъ и метода изслѣдованія; во 2) найдя для себя доказательство какой-либо истинны, вы естественно должны быть увѣрены, что способъ выясненія ея инымъ путемъ приведетъ къ тому же выводу. Вы можете какую-либо геометрическую теорему доказать построениемъ и потомъ рѣшать вопросъ о ней путемъ алгебраическаго анализа, будучи напередъ увѣрены, что въ выводѣ получите то же самое, что дало вамъ построеніе. Такъ и въ сферѣ религій. Если для васъ истинность православія несомнѣнна, то приступая къ изученію исторіи религій вы должны быть напередъ увѣрены, что это изученіе дастъ вамъ лишь лишнее подтвержденіе вашей увѣренности. Этотъ новый доводъ вамъ лично не нуженъ, но вы можете утилизировать его для пользы другихъ. Я говорю, что такое отношеніе къ изучаемому объекту я нахожу вполне нормальнымъ и законнымъ, но подъ условіемъ, чтобы затѣмъ изученіе велось добросовѣстно, чтобы вы имѣли мужество сказать себѣ, что вы нашли не то, что ожидали, что многое васъ изумило, поразило, многого вы не умѣете объяснить. Не нужно смущаться неумѣемъ объяснить фактъ: нужно только стыдиться давать нелѣпыя объясненія.

Исторія религій—неразработанное поле. Я брожу по этому полю уже болѣе 20 лѣтъ, многое для меня теперь гораздо болѣе темно и загадочно, чѣмъ какимъ я считалъ его раньше, но одно несомнѣнное впечатлѣніе вынесъ я изъ своего изученія, это то, что чаянія всей твари—одни и тѣ же, что душа по природѣ христіанка. Вездѣ у народовъ видно тяготѣніе къ сверхъестественному міру, сознаніе обязанности жить и дѣйствовать по законамъ, которые установилъ этотъ высшій духовный міръ, сознаніе, что между этимъ высшимъ міромъ и человѣкомъ стоитъ средостѣніе въ духовной нечетотѣ человѣка, сознаніе потребности въ искупленіи. Все эти представленія искажены, затемнены: рѣшенія всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ этимъ религіознымъ сознаніемъ, противорѣчны и неудовлетворительны, но это въ моихъ глазахъ не унижаетъ человѣка и возвышаетъ христіанство. Ве-

личіе человѣка открывається мнѣ и въ вѣрованіяхъ африканскихъ людоѣдовъ—фановъ и въ религіозной философіи негровъ бавилл. Эти люди, стоящіе на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизаціи, умѣли понять, что основы жизни должны быть религіозны, что религія должна управлять всеѣмъ, что люди попорчены грѣхомъ. Единственно правильный взглядъ на религію, что она должна быть для человѣка или всеѣмъ или ничѣмъ, держался всею древностью: и Ассиро-вавилонянами и египтянами и греками и римлянами. Только новое время и только въ культурныхъ государствахъ выдвинуло теорію религіи, какъ какого то аксессуара въ жизни, неважнаго придатка ко всему. Лучше прямо и рѣшительно отрицать религію, чѣмъ отводить ей такое мѣсто, которое одинаково не можетъ принадлежать ни лжи, ни истинѣ. Въ древности и были люди религіозные и атеисты, но не было оппортунистовъ—этихъ ублюдковъ повѣишей культуры.

Величіе христіанства при изученіи исторіи религіи открывається въ томъ, что чаянія всеѣй твари можетъ удовлетворить только оно одно. Не легко получить это удовлетвореніе. Царство Божіе силою берется и употребляющіе усиліе входятъ въ него, Но люди нетерпѣливы, поэтому они постоянно набрасываются на новые и дешевые рецепты счастья, пренебрегая испытаннымъ и безусловно вѣрнымъ средствомъ. недостатокъ котораго заключается въ томъ, что оно требуетъ много работы надъ собою. Христіанство требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ при помощи Христа поработалъ надъ собственнымъ созданіемъ, создалъ бы самого себя по образу и подобию Божію. Христіанство призываетъ человѣка къ тому, чтобы онъ сталъ творцомъ самого себя и чтобы въ результатѣ этого творческаго процесса человѣкъ сталъ совершеннѣе, какъ совершеннѣе его Небесный Отецъ. Въ естественныхъ религіяхъ слышится вопли: мы нищи, наги, злы, грѣховны, но мы хотимъ правды, святости и любви. Эти вопли породили сказанія объ искупителѣ Кришнѣ (воплощеніе Вишну) и создали грезы объ искупителѣ Майтреѣѣ (буддѣ будущаго). Но человѣческій разумъ оказался не въ силахъ создать такой идеаль Искупителя, который реализировалъ въ Себѣ Иисусъ Христосъ. И въ этихъ исканіяхъ правды, которыя чувствуются въ естественныхъ религіяхъ я вижу величіе человѣчества, и въ томъ, что эти исканія удовлетворяють.

христіанство, я вижу его безконечную истинность и святость.

Полезно однако свои взгляды провѣрять мнѣніями другихъ. Третью часть своего курса я посвящу разсмотрѣнію религіи въ философскомъ пониманіи. За изученіемъ фактовъ — существующихъ и существовавшихъ религіозныхъ формъ мы обратимся къ изученію мнѣній о фактахъ. Философія религіи современна философін и то и другое, полагаю, современно человѣчеству, правда, не въ формѣ діалоговъ Платона и критики чистаго разума Канта, но въ сущности обуждающія и рѣшающія тѣ же вопросы, какіе рѣшали Платонъ и Кантъ.

За нѣсколько вѣковъ до Р. Х. мы находимъ въ Китаѣ, Индіи и Греціи всѣ тѣ основные взгляды на религію, которые мы имѣемъ въ настоящее время: атеизмъ, нигилизмъ, (китайскихъ философовъ, карликовъ Брагаспати), скептическое отношеніе къ религіи, пантеизмъ и монотеизмъ (121 и 129 гимны Риг—веды), іерархическій политеизмъ, т. е. многобожіе осмысленное въ систему. Мы находимъ и объясненіе вѣрованій изъ эгоистическихъ началъ (составители ведъ были плуты по Брагаспати) и изъ началъ психологическихъ (у Ксенофана утверждавшаго, что человѣкъ творитъ боговъ по своему образу). Мы встрѣчаемъ въ эту эпоху всѣ типы настроеній, обусловленные различіемъ религіозныхъ взглядовъ: и пессимизмъ и оптимизмъ и хотя и не унывающій, но и не шкующій матеріализмъ. И такъ какъ философія въ ту отдаленную эпоху облакалась въ примитивныя формы, то по ней гораздо легче выяснить, какія причины породили то или иное рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ. Атеизмъ былъ поражаемъ неумѣньемъ понять фактъ существованія зла при допущеніи существованія благихъ боговъ и неумѣнье найти смыслъ въ собственныхъ несчастіяхъ, детерменизмъ былъ развитъ вслѣдствіе неумѣнья совмѣстить принципы причинности и свободы, пантеизмъ обусловливался неумѣло удовлетворяемымъ логическимъ требованіемъ единства всего. Наконецъ—идея любящаго и благого верховнаго бога—отца боговъ и людей подсказывалась сердцемъ, чувствовавшимъ въ себѣ вѣяніе благой божественной власти.

Несомнѣнный фактъ, открывающійся при изученіи философскихъ системъ, состоитъ въ томъ, что философія оказывается гораздо одностороннѣ религіи. Философъ, задавшійся

нѣльзя все вывести изъ немногихъ началъ или свести къ немногимъ принципамъ, путается обыкновенно между немногими деревьями. Задача философіи дать упрощенное, схематическое представленіе дѣйствительности, но задача эта непосильна для философовъ и ихъ теоріи существующаго обыкновенно представляютъ болѣе или менѣе неудовлетворительное описаніе какой-либо одной его стороны. Религіи—не системы и религіозныя вѣрованія трудно заключать въ системы, какъ трудно заключить въ систему многообразіе жизни. Религіи нельзя опредѣлять немногими словами. Такія формулы: религія Греціи есть религія красоты,—Египта—религія загадки,—маздеизма—религія свѣта и т. д. ничего не скажутъ тому, кто не изучалъ этихъ религій. Всякая религія есть процессъ многообразный и сложный: Но философъ обыкновенно разсматриваетъ религію не въ процессѣ, а въ статическомъ моментѣ и съ какой-либо одной точки зрѣнія. Греческая религія не была одною и тою же въ различныя эпохи и въ одну и ту же эпоху она понималась и принималась различно у различныхъ общественныхъ классовъ и лицъ. Философъ создаетъ фиктивную идею характера народа, отыскиваетъ основную черту этого характера и указываетъ выраженіе ея въ религіи. Но въ томъ видѣ его работа имѣетъ значеніе для этнографіи и исторіи, а не для рѣшенія религіозныхъ проблемъ по существу. Правда, большинство философовъ пытались рѣшать вопросы и по существу, но итоги ихъ работъ очень невелики. Философовъ по отношенію къ религіи можно раздѣлить на три класса: одни изъ нихъ являлись апологетами положительной религіи. Такими были ведантисты—въ Индіи, неоплатоники въ Греціи, средневѣковые философы—въ Европѣ: другіе являлись критиками существующихъ религій, они вносили въ религіозныя представленія болѣе или менѣе существенныя поправки, такихъ философовъ со времени реформации въ Европѣ—а теперь и въ Америкѣ—было очень много. Наконецъ, третій родъ философовъ просто отрицаетъ религію. Изъ апологетовъ религіи въ новое время, какъ заслуживающихъ глубокаго вниманія, я назову Паскаля и Баадера. Но главнымъ образомъ при изученіи религіозной философіи приходится имѣть дѣло съ философами втораго типа, осмысливающихъ и поправляющихъ религію. Эта фи-

лософія развилась на протестантской почвѣ. Лютеръ, давшій своимъ принципамъ ей право на существованіе, не предвидѣлъ, къ чему она приведетъ, а привела она въ болѣе, ни менѣе, какъ къ самоуничтоженію протестантизма. Различіе между католицизмомъ и протестантизмомъ заключается въ томъ, что у католиковъ есть одинъ папа, диктующій вѣрученіе, а у протестантовъ—каждый папа самъ для себя и можетъ составлять свое собственное вѣрученіе. Церкви, какъ видимой хранительницы истины, нѣтъ. Авторитетъ преданія отвергнуть. Источникомъ вѣрученія признана Библия, но, и по отношенію къ ней провозглашено безусловное право свободнаго пониманія и критики. Во имя этого права каждый отрицать въ Библии то, чего не понимаетъ, и наконецъ вся Библия была провозглашена чисто человѣческимъ произведеніемъ. Научная тенденція объяснять все великое изъ ничтожныхъ причинъ, отсутствіе знаменій и чудесъ, разочарованія въ помыслахъ сверхъестественнаго, ненаблюдаемость Промысла, все это побуждало большинство мыслителей отрицать участіе высшаго міра въ человѣческой жизни и истолковывать ее всецѣло изъ той дѣйствительности, которая открывается непосредственному наблюденію каждаго. Этими принципами религія, какъ союзъ Бога съ людьми, отвергалась. Остались только слова изъ религіознаго обихода, но въ нихъ Шлейермахеръ, Гегель, Гартманъ и другіе вложили такой смыслъ, въ которомъ ихъ могутъ употреблять и атеисты.

Но поучительно, что никто изъ философовъ второго и третьяго типа не провелъ своего взгляда послѣдовательно. У всѣхъ этихъ мыслителей вы найдете отступленія въ пользу положительной религіи. Вотъ Кантъ повидимому совсѣмъ разорвалъ союзъ Бога съ человѣкомъ, а потомъ вы читаете у него, что благодать въ сущности возможна, что, пожалуй, можно и молиться, что и видимая церковь можетъ быть полезна. У меня при чтеніи различныхъ отрицательныхъ трактатовъ по философіи религіи получалось такое впечатлѣніе: что люди начинали съ того, чтобы во имя какого-либо принципа отвергнуть исповѣдуемую народомъ религію и дать свое пониманіе религіи и ея историческихъ обнаруженій, но развивая свою теорію, они начинали чувствовать, что приходятъ къ абсурду: вмѣсто того, чтобы отъ нелѣпности правильно сдѣланныхъ выводовъ заключить къ нелѣпности

своихъ основаній или принциповъ, они ограничивались тѣмъ, что вносили въ свои выводы плохо вяжущіяся со всеѣмъ разсужденіемъ поправки. Поучителенъ въ этомъ отношеніи Огюсть Контъ. Культъ его религіи человѣчества въ значительной степени является культомъ предковъ. Но съ его точки зрѣнія, этихъ предковъ не существуетъ. Оказывается, что, дѣлая уступку человѣческой потребности почитанія, онъ призываетъ человѣчество почитать то, чего нѣтъ—даже Моисея и ап. Павла. Великое достоинство святцевъ Конта по моему мнѣнію заключается въ томъ, что у него хватило такта не помѣстить въ нихъ того, Кого мы чтимъ, какъ Богочеловѣка. Но почитаніе несущаго болѣе, чѣмъ сущаго, во всякомъ случаѣ неумная вещь, и однако каинитовъ въ этомъ смыслѣ оказывается очень много: почитаютъ и Дарвина, и Карла Маркса, и Вольтера, и Жанъ-Жака Руссо, и возмущаются, когда умершимъ великимъ людямъ приписываютъ пороки и слабости. Но вѣдь къ тому, что не существуетъ, пристать ничего не можетъ. Посмертная благодарность или неблагодарность, по разъясненію китайскихъ философовъ еще V-го вѣка до Р. Х., не стоитъ выѣденнаго яйца.

Философы охотно и свободно говорятъ о происхожденіи религіи и религіозныхъ формъ съ внѣшней стороны, но на вопросъ: отвѣчаетъ ли что-нибудь реальное религіознымъ представленіямъ человѣчества? они даютъ уклончивые отвѣты. Большинство во всякомъ случаѣ склоняется къ тому, что промысла, чудесъ, пророчествъ нѣтъ, что Божество не дѣйствуетъ въ мірѣ. Многие, охотно развиваютъ теорію, что Божество не познаваемо. Последнее положеніе, признаюсь, для меня непонятно. Познаваемо все то, что существуетъ, а существуетъ все то, что находится съ нами въ какой бы то ни было связѣ—хотя бы и самой отдаленной. Если существуетъ какой-либо міръ, который не связанъ съ нами ничѣмъ ни физическою силою притяженія, ни какими-либо моральными началами, то такой міръ не существуетъ для насъ и мы не существуемъ для него. Допустимъ, что нашъ міръ и тотъ проблематическій міръ занимали бы въ настоящее время одно и тоже мѣсто въ пространствѣ. Между этими мірами нѣтъ взаимодѣйствія, ни одна изъ силъ того міра не окажетъ вліянія на нашъ, а мы ничѣмъ не будемъ воз-

дѣйствовать на него. Въ теченіе вѣчности мы можемъ существовать вмѣстѣ и никогда не будемъ подозрѣвать о существованіи одинъ другого. Но то, что съ нами стоитъ въ связи, хотя и непознано, всегда познаваемо. Мы заключаемъ отъ слѣдствія къ причинѣ, мы можемъ восходить по цѣпи причинъ; эффектъ намъ говоритъ о той силѣ, которая его произвела, по связующимъ звеньямъ мы можемъ добраться до самого отдаленнаго пункта. Божество по самому понятію Божества—теистическому или пантеистическому все равно—стоитъ въ ближайшей связи со всѣмъ, слѣдовательно, въ сущности оно является для насъ ближайшимъ объектомъ познанія.

Атеизмъ логичнѣ агностицизма и деизма, и горе атеизма заключается не въ томъ, что онъ ничего не умѣетъ объяснить. Эту судьбу раздѣляютъ съ нимъ и другія философомы. Его бѣда въ томъ, что онъ долженъ отрицать смыслъ у существованія міра, отвергать цѣль въ міровомъ процессѣ и безусловно не можетъ оправдать морали. Въ мелочныхъ заботахъ дня, въ борьбѣ за личное благополучіе, въ борьбѣ индивидуальной или соціальной атеистъ, обычно держась въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ морали обосновываемой религіею, можетъ не замѣчать и не чувствовать, что нормы его поведенія взяты имъ изъ чуждой ему доктрины, но когда придетъ день досуга и атеистъ захочетъ использовать его на размышленіе о томъ, въ какомъ взаимоотношеніи стоятъ у него его жизнь и исповѣдуемое имъ ученіе, то онъ увидитъ, что между его исповѣданіемъ вѣры и его жизнью нѣтъ никакой связи. Его жизнью управляетъ съ небольшими измѣненіями традиція обычая и морали.

Философскія ученія, разрывая съ религіею, не даютъ ничего для удовлетворенія идеальныхъ стремленій человѣчества. На всѣ ихъ разсужденія шиллеровскій ученикъ теперь, какъ и прежде, долженъ сказать: „этимъ вамъ, господа, и собаки не вызвать изъ подъ печи“. Но поскольку эти ученія приближаются къ положительной религіи, они приобретаютъ цѣнность и когда они вмѣсто того, чтобы отвергать христіанство, стремятся истолковать его, то хотя бы эти истолкованія были несовершенными и односторонними, они даютъ пищу уму и согрѣваютъ сердце.

Я хорошо знаю, что очень многіе найдутъ въ исторіи фи-

лософіи совсѣмъ не то, что нашель я. Но во всякомъ случаѣ я принимаю, что исторія религіозной философіи подсказываетъ такой выводъ: человѣческій разумъ, какъ разумъ самодовлѣющей, всегда запутывался въ противорѣчійхъ при обсужденіи религіозныхъ проблемъ. Философскія ученія о религіи являются тѣмъ болѣе чуждыми противорѣчій, содержательными и внутренне стройными, чѣмъ болѣе они приближаются къ христіанскому исповѣданію вѣры.

Такъ мы подошли къ христіанству. Въ четвертой части моего курса я предполагаю говорить объ истинности христіанства въ его православномъ пониманіи.

Существуетъ много христіанскихъ исповѣданій и сектъ. Многіе повидимому склонны думать, что христіанинъ есть родовое понятіе, а православный, протестантъ — видовыя. Если-бы это было такъ, то мы имѣли-бы, что лица различныхъ исповѣданій должны быть согласны между собой въ существенномъ и расходятся въ сравнительно менѣе важномъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Социніане, относительно которыхъ полагаютъ, что ихъ воззрѣнія раздѣлялъ и Ньютонъ, отрицали догматъ троичности. Что это—отрицаніе существеннаго или несущественнаго. Въ предисловіи къ недавно вышедшему на русскомъ языкѣ переводу „Введенія въ исторію Израиля“ Вельгаузена переводчикъ г. Никольскій заявляетъ, что всякій уважающій себя ученый теперь не станетъ считать личность Христа выщечеловѣческою. Что мы должны сказать объ этомъ уважающемъ себя ученомъ (?), числящемся въ христіанахъ, отрицаетъ онъ въ христіанствѣ существенное или несущественное? Уже давно нѣкоторая часть протестантовъ ортодоксальнаго направленія предложила объединяющимъ догматомъ для христіанъ признаніе Божества Христа. Въ настоящее время вѣра въ Божество Христа есть условіе для вступленія во всемірный христіанскій студенческій союзъ. Безъ сомнѣнія эта вѣра есть вѣра въ существеннѣйшее, изъ нея вытекаетъ съ необходимостью утвержденіе многихъ христіанскихъ истинъ. Но за всѣмъ тѣмъ христіанскіе догматы нельзя разложить по скалѣ болѣе или менѣе важныхъ и христіанъ нельзя классифицировать такъ, какъ пытаются классифицировать растенія и животныя. Православіе принимаетъ ученіе о Божествѣ Христа, эту теоретическую истину, но оно принимаетъ еще

ученіе о видимой церкви—истину практическую. *Церковь есть всегда пребывающая на землѣ хранительница истины и подательница силъ для осуществленія правды.* Любители свободы видятъ въ церкви стѣняющее начало, средостѣніе между Богомъ и отдѣльными лицами. Говорятъ, что между Богомъ и человѣкомъ не должно быть посредства. Безъ сомнѣнія Богу неужно это посредство, но если человѣкъ своими слабыми глазами не можетъ глядѣть на солнце, то тѣмъ болѣе по своей нравственной нечистотѣ онъ не можетъ вступить въ непосредственное общеніе съ абсолютною чистотою. Блаженны чистые сердцемъ, потому что они увидятъ Бога. Значитъ, раньше пріобрѣтенія этой истины Бога увидѣть нельзя. Ап. Петръ пораженный чудодѣйственной силою Христа воскликнулъ: Господи! выйди отсюда (изъ лодки), потому что я—человѣкъ грѣшный. Петръ былъ святѣ многихъ, но потому онъ и чувствовалъ такъ чутко свое несовершенство и его объялъ страхъ, когда онъ почувствовалъ около себя присутствіе Совершеннаго. Въ житіи Исаакія Печерскаго разсказывается, жертвою какихъ дьявольскихъ козней сдѣлался этотъ подвижникъ, вообразивъ о себѣ, что онъ достоинъ того, чтобы его посѣтилъ Христосъ. Только люди испорченные нравственно могутъ быть смѣлы при соприкосновеніи съ нравственною чистотою. Нравственная немощь человѣка требуетъ посредства между Богомъ и человѣкомъ. Да Богъ вѣдь и не открываетъ Себя непосредственно каждому, но не поэтому только человѣкъ нуждается въ церкви. Нѣтъ, самый идеаль человѣка—спасеніе, блаженство, счастье предполагаетъ собою необходимость церкви. И филологически слово „спасеніе“ исключаетъ возможность индивидуальнаго блаженства, ибо спастись=сопастись, значитъ, пасться вмѣстѣ, слово спасеніе заключаетъ въ себѣ мысль о приобщеніи къ избранному стаду. И по существу спасеніе исключаетъ индивидуализмъ. Спасеніе, блаженство, должно заключаться въ удовлетворенной любви, въ тѣснѣйшемъ единеніи съ любимыми существами, съ Богомъ и съ тѣмъ, кто близокъ и угоденъ Богу.

Церковь есть союзъ душъ ищущихъ спасенія. Союзъ этотъ основанъ Христомъ, онъ держится, крѣпнетъ и развивается силою Христа, членамъ его подаются благодатныя силы. Союзъ этотъ далеко не аналогиченъ и тѣмъ болѣе не то-

жественнѣ съ различными человѣческими союзами. Воля большинства здѣсь не можетъ имѣть значенія. Вопросы вѣры нельзя рѣшать баллотировкой. Если въ общинѣ состоящей изъ 101 члена сто признають, что Христосъ не воскресаль, а одинъ будетъ вѣрить въ воскресеніе Христово, то сто не имѣють ни права, ни нравственной силы заставить этого сто-перваго вѣрить по ихнему. Точно также воля большинства не можетъ опредѣлять, какія и кому должны быть поданы благодатныя силы. Начало правящее въ церкви есть созданная Христомъ и отъ Него получающая силы для своего служенія іерархія. Христосъ въ создаваемой имъ церкви указать свойство **неуничтожимости: врагъ адавы не** одолбють ее. Если церковь была созданиемъ человѣческой свободы, она не имѣла бы этого свойства, но она создана и держится силою Христа.

Такою церковью созданною неуничтожимымъ подвигомъ Христа предварительнаго продолжавшагося тысячелѣтія при-готовительнаго процесса мы признаемъ православную церковь. О томъ, что она есть и чѣмъ является по отношенію къ міру, должно говорить много, но во введеніи къ курсу, думается, должно отмѣтить слѣдующее.

С. Глаголевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
